

ВОСПОМИНАНІЯ О ТУРЕЦКОЙ ВОЙНѢ.

(Продолженіе ¹⁾).

V.

Четвертая командировка въ Главную квартиру. — Впечатлѣніе третьяго боя подъ Плевною. — Плевненскія позиціи. — Возвращеніе въ Черноводы. — Поѣздка въ Бухарестъ для свиданія съ отцомъ. — Загражденіе Дуная подъ Силистрію. — Зима въ Черноводахъ.

27-го августа генераль Циммерманъ вновь послалъ меня въ Главную квартиру съ докладомъ. Оставшись день въ Браиловѣ, въ ночь на 29-е выѣхалъ я оттуда въ Бухарестъ давно знакомой дорогой. На Браиловскомъ вокзалѣ встрѣтилъ уже гвардейскій стрѣлковый баталіонъ, слѣдовавшій въ армію. Очень порадовался видѣть родные гвардейскіе мундиры. На обратномъ пути рассчитывалъ встрѣтиться гдѣ нибудь съ братьями и вообще повидать многихъ знакомыхъ и товарищей. Все это дѣлало командировку на этотъ разъ особенно привлекательною. Да и всегда эти поѣздки были пріятны, освѣжая послѣ докучной Черноводской жизни. Проѣдешь, людей повидашь, новостей понаберешься и въ приличныхъ городахъ побывашь, а это обстоятельство, само по себѣ, имѣло не малую пре-

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» 1908 г., № 8.

лестъ въ походной жизни. Сидишь себѣ въ Браиловъ у Рали, а подь окошкомъ жиды на цимбалахъ играютъ; на улицѣ городская жизнь, а вечеромъ въ общей залѣ музыка, арфянки, а тамъ дальше въ Московскій садъ перекочуетъ. Вездѣ беззаботное веселье. Чего же лучше. Въ Браиловъ уже непременно проводишь каждый вечеръ въ этихъ двухъ безмятежныхъ мѣстахъ, тамъ сходится все общество.

На этотъ разъ я проводилъ день съ полковникомъ Пономаревымъ, командиромъ 29-го Донского полка.

Въ 3 часа ночи выѣхалъ въ Бухарестъ. Изъ Бухареста на Журжевъ почему то не было поѣзда, и я, чтобы не терять времени, поѣхалъ съ пустымъ товарнымъ поѣздомъ въ грязномъ скотскомъ вагонѣ. Ѣхалъ долго, но всетаки время выигралъ. Въ Горномъ Студнѣ я не засталъ Главной квартиры и поѣхалъ на позицію подь Плевной, куда прибылъ 31-го числа, на другой день штурма. Дорогой уже встрѣчалъ транспорты съ массою раненыхъ и зловѣщія слухи о постигшей новой неудачи. Штурмъ, предпринятый послѣ четырехдневнаго бомбардированія, былъ отбитъ и повлекъ за собой лишь значительныя потери, безцѣльное взятіе Гривицкаго редута, составившаго единственный успѣхъ дня, и оставилъ на всѣхъ тяжелое нравственное впечатлѣніе; Главная квартира главнокомандующаго была перенесена на нѣсколько дней въ Порадимъ, и я засталъ Великаго Князя на позиціи.

Удрученное, придавленное состояніе сказывалось на всѣхъ послѣ испытанной неудачи, какое то разочарованіе, обида чувствовались въ каждомъ. Грустное, тяжелое впечатлѣніе производила и вся вообще обстановка Плевненской позиціи въ сырой, холодный день; голые мокрые холмы къ востоку отъ Плевны были заняты нашими войсками, окопавшимися тутъ и тамъ въ холодной грязи и не проявлявшими никакой дѣятельности. Продолжалось лишь бомбардированіе Плевны съ нашихъ батарей рѣдкимъ огнемъ, на которое турки отвѣчали упорнымъ молчаніемъ. Съ утра, ежедневно выѣзжалъ Великій Князь со всѣмъ штабомъ своимъ на позиціи, наблюдая за ходомъ бомбардировки. Сюда же ежедневно изволили пріѣзжать и Государь Императоръ изъ Раденицы, куда переѣхалъ на эти дни изъ Чаушъ Магалы. Государь, глубоко опечаленный неудачами, осунулся и имѣлъ страдальческій видъ. 1-го сентября состоялся военный совѣтъ, на которомъ было рѣшено оставаться на позиціяхъ подь Плевной. 5-го сентября главнокомандующій перевелъ свою квартиру обратно въ Горный Студень.

Великій Князь и начальникъ штаба выслушали мой краткій докладъ, но не до меня имъ было въ эти страдные дни, мнѣ приказано было оставаться въ Горномъ Студнѣ и ожидать распоряженій, а также выждать наградъ, которыя посылались къ намъ въ корпусъ. Между тѣмъ, никакихъ текущихъ докладовъ не принималось, дѣлъ въ полевомъ штабѣ накопилось много, и по всему этому меня задержали на этотъ разъ почти цѣлый мѣсяцъ.

Первые дни пребыванія въ Главной квартирѣ были интересны, ознакомился съ общимъ положеніемъ дѣлъ, узналъ разныя новости, которыя къ намъ не доходили. Между прочимъ, въ Бухарестѣ я еще встрѣтился съ моимъ бывшимъ командиромъ бригады генераломъ Бреверномъ, который выѣхалъ оттуда въ Главную квартиру вслѣдъ за мною, и потому я теперь съ нимъ видѣлся каждый день и по вечерамъ обыкновенно пилъ у него чай съ моимъ товарищемъ Андреевскимъ, ординарцемъ Великаго Князя. Но съ теченіемъ времени жизнь въ Горномъ Студнѣ становилась скучною. Погода весь сентябрь держалась сырая, холодная, моросилъ осенній дождь, грязь была ужасная; мы не просыхали за весь день, хотя выпадали теплые, ясные дни, но осень замѣтно вступала въ свои права. Ночи были холодныя, въ палаткахъ бывало не больше 2—3°, а бывали и заморозки.

Жилъ я въ палаткѣ у Вас. Уст. Сологуба, который цѣлые дни писалъ бумаги, сидя на кровати въ пальто и шапкѣ, по временамъ отогрѣвая зябнувшія руки. Я помѣщался на охапкѣ сырого сѣна въ углу палатки, закутавшись насколько возможно въ пальто. При наступившей дождливой, холодной погодѣ, даже ночью не удавалось отогрѣться. Съ утра влѣзаешь въ мокрые сапоги, а вечеромъ скидываешь ихъ еще болѣе мокрыми, и такъ цѣлыя недѣли. При такихъ условіяхъ нерѣдко пришлось вспоминать Черноводы, свою комнату и сухую постель. Въ военное время не то что не прихотливъ, но какъ то равнодушенъ ко всѣмъ этимъ невзгодамъ, невольно подчиняясь имъ, какъ неизбѣжному злу. Лежишь себѣ гдѣнибудь въ полѣ на сырой травѣ съ сѣдломъ подь головой, поужинавъ кускомъ холодной баранины и стараюсь только такъ приспособиться, чтобы дождь не заливалъ за шею и не жалуешься. Что только ни приходится испытать въ военное время, къ чему только ни привыкнешь.

Два раза въ день многочисленное общество Главной квартиры сходилось къ столу у Великаго Князя въ большомъ шатрѣ. Обѣдъ кончался традиціоннымъ возгласомъ главнокомандующаго «выни-

май па-», на который всё в один голос отвѣчали «тронъ», и въ этомъ выражалось разрѣшеніе курить. Затѣмъ весь день рѣшительно не зналъ, какъ убить время и проводилъ его преимущественно въ обществѣ офицеровъ генеральнаго штаба, а именно полковниковъ Сологуба, Фрезе, капитановъ Уссаковского, Сахарова. Здѣсь же впервые привелось мнѣ встрѣтиться и познакомиться съ капитаномъ Куропаткинымъ, сподвижникомъ Скобелева. Очень порадовался встрѣтиться съ моимъ двоюроднымъ братомъ Константинномъ Ивановичемъ Лангъ, адъютантомъ Великаго Князя Алексѣя Александровича. Великій Князь, увидавъ меня на позиціи, куда онъ пріѣзжалъ съ Государемъ, самъ спросилъ меня, видѣлся ли я съ Лангомъ, сказавъ при этомъ «вѣдь вы двоюродные братья». Я отправился искать его въ свитѣ и не замедлилъ съ нимъ встрѣтиться.

Здѣсь же встрѣтилъ и другихъ многихъ знакомыхъ въ многочисленной Главной квартирѣ, гдѣ, казалось, можно встрѣтить кого угодно. Не мало удивляло меня тогда это многолюдство ея. Кого, кого тамъ только не было, и сколько между всѣми болталось людей совершенно безъ всякаго дѣла, даже безъ положенія, такъ какъ-то случайно примазавшихся. И какъ это должно было мѣшать дѣлу, какой поселать беспорядокъ, въ какой степени это было вредно въ смыслѣ всякихъ праздныхъ пересудъ, сплетенъ.

Чѣмъ больше вдумывался во всю обстановку дѣлъ, какъ она представилась мнѣ въ этотъ пріѣздъ въ Главную квартиру, тѣмъ больше приходилось убѣдиться, что дѣло затягивается на долго, и отъ мечты вернуться въ Петербургъ къ зимѣ пришлось совершенно уже отказаться.

Такъ проживалъ я въ Горномъ Студнѣ безъ дѣла, только и думая о томъ, чтобы вернуться домой, пока наконецъ послѣ 20-го числа меня не потребовалъ къ себѣ генераль-адъютантъ Непокойчицкій. Онъ началъ подробно спрашивать меня о положеніи нашего корпуса, о размѣщеніи его, о сдѣланныхъ заготовленіяхъ и прочее. Я радъ былъ случаю похвастаться рѣдкимъ благоустройствомъ его и нарисовалъ полную картину нашей жизни, указавъ, какъ мы обильно снабжены всѣми запасами и хорошо обставлены на зиму. Выслушавъ мой докладъ начальникъ штаба сказалъ: «Такъ что же мнѣ писать Циммерманъ? Нате, прочтите его письмо». Я взялъ письмо, въ которомъ онъ писалъ, что приближеніе зимы его очень заботитъ при задержкѣ военныхъ операцій; что онъ не видитъ возможности оставаться на зиму на правомъ берегу Дуная, гдѣ войска будутъ нести всякія лишенія; что необходимо на зиму

уйти за Дунай, расположиться въ Румыніи на зимнихъ квартирахъ, а съ весны начинать новую кампанію и въ этомъ родѣ дальше. Я недоумѣвалъ и говорю, что для меня все это совершенно не понятно, и я не знаю какими соображеніями генераль Циммерманъ руководствуется, признавая невозможность оставаться на правомъ берегу.

Послѣ этого разговора мнѣ дали отвѣтное письмо Циммерману, дали кое-какія указанія, награды для корпуса и отпустили къ немалому моему удовольствію.

Вслѣдъ за мною прибылъ къ намъ въ корпусъ капитанъ Сахаровъ (впослѣдствіи Военный Министръ); присланъ онъ былъ переговорить съ генераломъ Циммерманомъ по поводу его послѣдняго письма и взглянуть, въ какомъ положеніи дѣйствительно находился корпусъ. При этомъ случаѣ все дѣло разъяснилось.

Циммерманъ принялъ Сахарова, какъ всегда, въ кровати, выслушалъ его и говорить: «Да что же у васъ тамъ и читать то не умѣютъ. Вѣдь такъ, батюшка, всякій лавочникъ прочтеть, а читать-то вѣдь надо между строкъ. Я то перезимую, не безпокойтесь, а вы то тамъ всё пропадете, такъ, такъ надо было и понимать».

Между тѣмъ еще на совѣтѣ, въ Высочайшемъ присутствіи, 1-го сентября было рѣшено оставаться на зиму въ Болгаріи.

Я выѣхалъ 26-го изъ Горнаго Студня вмѣстѣ съ Андреевскимъ. Путешествіе наше не обошлось опять-таки безъ приключеній. Въ Царевичѣ перемѣнили тройку, но дальше пришлось ѣхать уже все время шагомъ, такъ была дурна дорога. Между тѣмъ начало темнѣть. Вдругъ тройка стала. Колеса до того залипли глиной, что выбившіяся изъ силъ лошади не могли сдвинуть съ мѣста и пустой телѣжки. Темень непроглядная, бывший съ нами фонарь мало помогъ дѣлу. Ногъ не вытащивъ изъ липкой глины. Человѣкъ 10 встрѣчныхъ тщетно старались помочь нашему горю и, мы больше часа уже стоимъ на мѣстѣ, ни взадъ, ни впередъ. Наконецъ, какими то судьбами удалось сдвинуть телѣжку съ мѣста, но надо было совершенно отказаться продолжать путь. Вернулись кое-какъ въ Царевичъ, гдѣ переночевали въ конюшнѣ до свѣта и утромъ отправились дальше. Вотъ что такое турецкія дороги въ дождливое время. Можно себѣ представить, что испытывается при движеніи по нимъ войсковыхъ обозовъ.

28-го числа я прибылъ въ Бухарестъ. Столь долгая задержка въ Горномъ Студнѣ вышла для меня лично не кстати. Я потерялъ возможность встрѣтить и провести нѣсколько дней съ отцомъ и

братьями въ Галацѣ или Бухарестѣ и былъ очень огорченъ этою неудачею. 24-я дивизія была вмѣстѣ съ 1-ю кавалерійскою нѣкоторое время оставлена въ Каларашѣ, въ виду слуховъ о готовящейся высадкѣ турокъ изъ Силистріи на Румынскій берегъ для диверсіи у насъ въ тылу, о чемъ донесъ генераль-адъютантъ Дрентельнъ, командовавшій войсками, въ тылу арміи находившимися. Потому по приѣздѣ въ Черноводы я предполагалъ съѣздить въ Каларашъ повидаться съ отцомъ. Что же касается братьевъ, то на пути въ Бухарестъ, я встрѣтилъ ихъ вмѣстѣ съ графомъ Шуваловымъ, командовавшимъ 2-ю гвард. пѣхотную дивизіею, при которомъ они состояли ординарцами, на одномъ изъ переходовъ къ Зимницѣ и успѣлъ лишь подъ дождемъ въ теченіе 5-ти минутъ времени перекинуться нѣсколькими словами, что, конечно, не могло удовлетворить насъ.

Не мало порадовался я на этотъ разъ своему возвращенію въ Черноводы, которыя показались особенно привлекательными послѣ всѣхъ испытаній, пережитыхъ въ теченіе мѣсяца въ Парадимѣ, Раденицахъ и Горномъ Студнѣ.

Вернувшись домой 1-го Октября я, получивъ разрѣшеніе, 4-го Октября поѣхалъ въ Каларашъ на свиданіе съ отцомъ, впередъ переживая всю радость этой встрѣчи. Но судьба въ этомъ случаѣ смѣялась надо мной и испытывала мое терпѣніе. Послѣ всѣхъ обстоятельствъ, оттягивавшихъ нашу встрѣчу, въ теченіе цѣлаго мѣсяца я ѣду, наконецъ, въ Каларашъ, подѣзжаю къ нему вечеромъ въ надеждѣ черезъ нѣсколько минутъ обнять отца, но приѣхавъ, узнаю, что онъ выѣхалъ изъ него въ тотъ же день утромъ. Полный досады я рѣшилъ ѣхать вслѣдъ за нимъ въ Бухарестъ, но все же пришлось отложить минуту свиданія на два дня, пространство въ 120 верстъ все еще отдѣляло насъ.

Въ Бухарестѣ я пробылъ съ отцомъ 4 дня, проводя цѣлые дни вмѣстѣ. Не стану останавливаться на передачѣ тѣхъ чувствъ, которыхъ былъ исполненъ въ эти 4 дня, послѣ 4 мѣсяцевъ разлуки, и которыя вполнѣ удовлетворили меня. Многое переговорилось, многое передумалось, перечувствовалось за эти прекрасные дни, проведенные вмѣстѣ. Между прочимъ помогъ отцу, при посредствѣ скопцовъ, купить четверню лошадей въ коляску и вообще снарядиться въ зимній походъ за Дунай, на Шипку, куда онъ велъ теперь три полка своей дивизіи; 4-й—Омскій полкъ былъ оставленъ въ Каларашѣ.

Разставшись, мы разъѣхались каждый въ свою сторону, и 15-го числа я прибылъ домой.

За это время, въ сентябрѣ, я былъ переведенъ въ генеральный штабъ, капитаномъ, за что мнѣ крѣпко попало, между прочимъ, отъ Бреверна, который рассчитывалъ, что я послѣ войны опять вернусь въ бригаду. Вмѣстѣ съ тѣмъ я получилъ и первую боевую награду—Анну 3-й ст. вмѣсто Владиміра 4 ст., къ которому Циммерманъ меня представилъ послѣ Кузгунъ.

Недолго пришлось мнѣ остаться на мѣстѣ. 20-го октября я вновь отправился по доброй волѣ съ Дубасовымъ въ экспедицію для загражденія Дуная подъ Силистріею. Я давно просилъ его при случаѣ взять меня съ собою, и вотъ онъ заходитъ теперь ко мнѣ извѣстить, что ему поручено заложить мины подъ Силистріею и приглашаетъ меня съ собою. Я охотно принялъ приглашеніе и побѣжалъ къ корпусному командиру за разрѣшеніемъ, «Ну ступай, ступай, да только тамъ съ Дубасовымъ то чего не начудите». Получивъ разрѣшеніе, я поспѣшилъ домой, мигомъ собрался и явился на Фульджеруль. Дубасовъ торопился отплыть, чтобы Циммерманъ не перемѣнилъ своего рѣшенія. Снявшись, пошли сперва въ Браиловъ, гдѣ нужно было взять мины; мы съ Федоромъ Васильевичемъ зашли къ Рали поужинать и вернувшись на пароходъ, ночью снялись и пошли къ Силистріи вверхъ по рукаву Борчіа. Впереди шелъ Фульджеруль, за нимъ два паровыхъ катера снабженныхъ ударными минами. Пройдя ночь, мы продолжали двигаться весь слѣдующій день. Въ первый разъ случилось мнѣ близко видѣть службу нашихъ моряковъ. Я присматривался ко всѣмъ порядкамъ службы, ко всей техникѣ морского дѣла; мнѣ очень понравилась дисциплина въ командѣ, точность и быстрота исполненія требуемаго и весь механизмъ отправленія службы.

По пути Дубасовъ открылъ мнѣ свои намѣренія.

Имѣя въ виду, что подъ Силистріею, не доходя крѣпости, за островомъ на Дунаѣ стоялъ дежурный мониторъ, исполняя сторожевую службу, онъ рѣшилъ, не ограничиваясь загражденіемъ рукава, попробовать взять мониторъ на abordажъ, подойдя къ нему незамѣтно ночью, чтобы «не повторяться», какъ онъ сказалъ, взрывомъ монитора, и просилъ меня при этомъ взять на себя руководство дѣйствіемъ изъ орудія, бывшаго на пароходѣ. Но для abordажъ нужна была пѣхотная команда, которой не было. Поэтому Дубасовъ рѣшилъ проѣхать предварительно въ Каларашъ и про-

сидеть тамъ изъ мѣстнаго гарнизона 40 человекъ охотниковъ со штыками.

Подъ вечеръ мы остановились верстахъ въ 25 отъ Калараша, если не ошибаюсь, близъ мѣстечка Сокарестіа, наняли тамъ какую то коруцу и отправились съ Дубасовымъ въ Каларашъ въ ней, чтобы не обнаруживать прибытія флотилии. Шелъ дождь; вечеръ былъ холодный; грязь большая. Долго ѣхали мы въ потьмахъ, иззяблись, промокли, проголодались изрядно, наконецъ благополучно прибыли. Въ Каларашѣ начальникомъ гарнизона оказался начальникъ 1-й кавалерійской дивизіи г.-л. Дохтуровъ. Приѣхали прямо къ нему, доложили о себѣ и были тотчасъ же приняты. Мы застали Михаила Николаевича со штабомъ его за ужиномъ. Было около 9 часовъ. Намъ прежде всего хлѣбосольный хозяинъ предложилъ поужинать, что мы приняли разумѣется съ особеннымъ удовольствіемъ, такъ какъ прозябли, и добрая рюмка водки была какъ нельзя больше въ пору. Какъ сейчасъ помню эти вкусные, горячіе битки, за которые мы жадно принялись. Поужинавъ, Дубасовъ доложилъ Дохтурову свои планы и просилъ дать ему 40 человекъ охотниковъ изъ Омскаго полка, бывшаго въ Каларашѣ. Дохтуровъ спросилъ:

«А вамъ это дѣло поручено? Сколько я понялъ, вамъ поручено только заградить рукавъ Дуная?»

— «Нѣтъ не поручено», отвѣчалъ Федоръ Васильевичъ.

— «Ну, понимаете, въ такомъ случаѣ я не могу Вамъ дать команду, хотя бы и охотниковъ, тѣмъ болѣе потому, что Омскій полкъ чужой дивизіи. Вотъ если бы были здѣсь мои драгуны, я бы отъ нихъ далъ Вамъ людей, а драгуны съ уланами прошли впередъ, здѣсь остались одни гусары и казаки, безъ штыковъ. Такъ, что, понимаете, я уже не могу Вамъ ничѣмъ помочь».

На всѣ послѣдовавшіе доводы наши, Дохтуровъ остался непреклоненъ.

Раздосадованные неудачею, проѣхавшись даромъ 50 верстъ по отвратительно скверной погодѣ, ночью вернулись мы съ Дубасовымъ на пароходъ уже въ нанятой въ Каларашѣ коляскѣ. Тотчасъ же Дубасовъ приказалъ сняться, и мы пошли малымъ ходомъ къ Силистріи, выйдя изъ Борча въ Дунай по связующему ихъ рукаву. Подаваясь впередъ, убавляли ходъ, чтобы не обратить на себя вниманія. Чуть чуть начало свѣтать, когда мы подходили къ тому острову, за которымъ стоялъ мониторъ; держась берега и идя самымъ малымъ ходомъ, наконецъ застопорили машину, перешли на

катера и на нихъ вышли изъ за острова, густо поросшаго лѣсомъ. Все прибывавшій разсвѣтъ позволилъ уже видѣть впереди себя, и на нашихъ глазахъ мониторъ, вѣроятно своевременно извѣщенный о нашемъ приходѣ, полнымъ ходомъ уходилъ подъ защиту крѣпости.

Оставалось погрузить загражденіе. Работа эта довольно кропотливая, такъ какъ требуетъ большой осторожности, и потому задержала насъ достаточно времени, но турки не вышли даже помѣшать намъ ставить загражденія, такъ что работа эта была исполнена подъ огнемъ.

Опустивъ мины, мы вернулись на Фульджеруль и пошли обратно въ Браиловъ, а оттуда вернулись въ Черноводы.

Вернувшись домой 27-го числа, получили мы подробныя извѣстія о горячихъ бояхъ гвардіи на Софійскомъ шоссе подъ Горнымъ Дубнякомъ и Телишемъ, давшимъ безповоротный переломъ всей Плевненской операціи и послужившимъ первымъ актомъ паденія твердынь Плевны. Узналъ, между прочимъ, о легкой ранѣ моего брата Сергѣя, которая позволила ему однако остаться въ строю; о пораненіи двоюроднаго брата Константина Романовича, прапорщика л.-гв. Финляндскаго полка.

Въ Черноводахъ погрузились въ обычное препровожденіе времени. Погода весь октябрь и съ началомъ ноября стояла хорошая, холодные, дождливые, вѣтряные дни шли въ перемежку съ теплыми, почти лѣтними. Но дождь идетъ мелкій, осенній совсѣмъ не тотъ, что лѣтомъ, когда онъ льетъ, бывало, ливнемъ. Теперь онъ идетъ съ утра до ночи, причемъ ужасно портитъ дороги; въ дождливый день выйти изъ дому нельзя, такая невылазная грязь. Листъ почти весь пожелтѣлъ, въ 5 часовъ уже темно, и осень проявлялась еще въ густыхъ туманахъ, начинавшихся часа въ 4 утра и разсѣивавшихся лишь къ полудню.

Съ наступленіемъ осени, съ развитіемъ неудачъ на главномъ театрѣ войны наша, даже и мелкая, боевая дѣятельность совсѣмъ притихла. Притихла отчасти потому, что не было цѣли дѣйствій, пока корпусъ стоялъ на мѣстѣ, а отчасти и потому, что мнѣ казалось, что Циммерманъ послѣ всей неприятной переписки съ Главною квартирою, гдѣ не хотѣли и не могли раздѣлить его точки зрѣнія, замолчавъ изъ упрямства, не хотѣлъ ничего предпринимать.

Бездѣлье наше приводило положительно къ какому то отупѣнію, кругомъ пустота, безцвѣтное однообразіе, убивающее всякій

интересъ къ окружающему, убивающее способность мыслить, подавляющее всякую предприимчивость, энергію. Дни проходили своей однообразной чередой, одинъ какъ другой. Съ длинными осенними вечерами они стали еще какъ то тоскливѣе. Утромъ идешь, бывало, въ штабъ за новостями, поболтаешь о военныхъ дѣлахъ съ начальникомъ штаба, пройдешь на Фульджеруль, потомъ на обѣдъ. Послѣ обѣда тотъ же чай, приставаніе къ Красовскому, а тѣмъ временемъ уже и вечеръ. Тогда или сидишь дома, или, взявъ фонарь, отправляешься опять къ морякамъ или къ нашимъ дамамъ, а вечеромъ опять неизмѣнные ши съ гусемъ. По вечерамъ, впрочемъ, меня часто звалъ къ себѣ Циммерманъ, и это было приятно—умный и интересный онъ былъ человекъ; было у него что послушать и чему поучиться.

Вѣсти, приходившія изъ арміи о послѣдовательныхъ успѣхахъ гвардейскаго корпуса, только дразнили насъ. Досадно было читать ежедневно о новыхъ подвигахъ, чувствуя себя безсильнымъ, непричастнымъ къ общей боевой работѣ и утѣшаясь лишь надеждою, что когда нибудь дойдетъ и до насъ очередь.

Однако, послѣднія событія подогрѣвали эту надежду все больше и больше, ясно опредѣляя собою, что общій ходъ военныхъ дѣйствій безспорно оборачивается въ нашу пользу и что скоро можно ожидать рѣшительнаго перелома его.

26-го ноября отбыли Георгіевскій праздникъ, что хоть сколько нибудь нарушило каждодневный порядокъ жизни. Утромъ былъ молебенъ и затѣмъ обѣдъ на Фульджеруль, команда котораго на половину состояла изъ георгіевскихъ кавалеровъ.

VI.

Паденіе Плевны. — Приготовленія къ движенію впередъ. — Выступленіе къ Базарджику. — Бой подъ Базарджикомъ. — Занятіе Базарджика.

28-го пала Плевна, что дало намъ полный перевѣсъ силъ надъ непріателемъ, и съ этимъ вмѣстѣ мы почувствовали зорю новыхъ дней, близкую возможность и намъ, наконецъ, двинуться впередъ. Послѣдующіе успѣхи гвардіи въ ея безпримѣрномъ зимнемъ переходѣ Балканъ внесли въ лѣтописи русской арміи рядъ новыхъ

славныхъ побѣдъ и гнали событія впередъ. Понемногу стали и мы подготавливать себя къ наступленію, обсуждали возможность предстоявшихъ намъ дѣйствій и соображали, какъ быть со своимъ хозяйствомъ. Пятимѣсячное пребываніе на мѣстѣ, породившее невольно разныя претензіи на удобства вродѣ подушекъ, простынь, лишняго платья и бѣлья, создало много лишняго хлама, который теперь приходилось оставить на мѣстѣ.

Въ декабрѣ, когда опредѣлилось, что турки уходятъ за Балканы и сосредоточиваются для защиты Адрианополя, причемъ перевозятъ ихъ по желѣзной дорогѣ, въ Варну и далѣе черезъ Константинополь, главнокомандующій приказалъ выслать команды для разрушенія этой дороги отъ Русукскаго отряда близъ Разграда и отъ 14-го корпуса на участокъ между Шумлою и Варною. Послѣднему было приказано выдвинуть впередъ кавалерію, поддержанную дивизіею пѣхоты. Генералъ Циммерманъ выслалъ кавалерійскій отрядъ къ Базарджику на поискъ раньше, 16-го декабря, но при этомъ высказалъ мнѣніе, что пройти къ желѣзной дорогѣ мимо Базарджика, сильно укрѣпленнаго и занятаго значительнымъ отрядомъ, не легко, тѣмъ болѣе, что и мѣстность за Базарджикомъ крайне лѣсистая и пересѣченная. Соотвѣтственныя распоряженія начались, но высылка отряда была отложена.

Къ концу декабря стали морозы, доходившіе по ночамъ до 10—15°, днемъ же на солнцѣ таяло. Дунай сталъ, по льду проложили дорогу, но снѣгу не было. Одѣлись въ полушубки, своевременно выписанные изъ Россіи, въ теплые сапоги и приготовились къ зимнему походу.

Наконецъ, съ переходомъ за Балканы Гурко 21-го декабря, наше движеніе впередъ было назначено на 26-е декабря, и мы ликовали. Однако сильные морозы заставили отложить выступленіе на нѣсколько дней, такъ какъ нельзя было предполагать, чтобы морозное время протянулось долго.

Новый годъ пришлось встрѣтить все-таки въ Черноводахъ. Встрѣтили его у Циммермана за ужиномъ, послѣ котораго долго еще ужинали дома.

5-го января мы, наконецъ, двинулись впередъ. Къ этому времени разбитіе и плѣненіе Шипкинской арміи Весселя-наши открыло намъ выходъ за Балканы со стороны Шипки и совершенно измѣнило положеніе дѣлъ на театрѣ войны.

По ночамъ всетаки были порядочные морозы, днем на солнцѣ пригрѣвало, довольно сильно. Дни начали замѣтно прибывать, предвѣщая близкую весну.

5-го и 6-го января войска корпуса выступили тремя колоннами. Донская дивизія и бригада 7-й кавалерійской дивизіи слѣдовали на поль-перехода впереди пѣхоты. Для обезпеченія корпуса съ тыла и прикрытія сообщений его прислана была съ Нижняго Дуная бригада 36-й пѣхотной дивизіи.

8-го января, послѣ нѣсколькихъ стычекъ въ предшествовавшіе дни, съ египетской кавалеріей и черкесами, наша конница, при движеніи отъ Перефаки и Мылоджилара къ Чаирь-Орману, встрѣтила на позиціи между послѣднимъ и Каракилисомъ непріятельскій отрядъ (4 бат. при 6-ти оруд. и 1,500 челов. кавалер.). Генераль-адъютантъ Манзей, командовавшій кавалеріей, опрокинулъ непріятеля и преслѣдовалъ его до укрѣпленій Базарджика. Послѣ того драгуны и гусары отошли на дд. Кюппелеръ и Кенекчиларъ. 1-я казачья бригада къ Елибею, 2-я—въ Каракилису.

10-го числа подошла и пѣхота корпуса.

Только что пѣхота становилась бивакомъ, какъ послышалась пальба впереди, къ сторонѣ нашего праваго фланга. Не успѣлъ я еще разсѣлать моего коня, пришлось вновь вскочить на него и ѣхать узнать, въ чемъ дѣло. Прискакавъ на выстрѣлы, я засталъ уже разгорѣвшійся бой.

Дѣло было такъ: наши казачьи аванпосты, выдвинувшись слишкомъ впередъ, завязали перестрѣлку съ турецкими постами. Перестрѣлка постепенно усиливалась, въ цѣпь первоначально влились ближайшія поддержки, затѣмъ постепенно приняли участіе въ дѣлѣ и сзади стоящія части, поднялась цѣлая бригада; за ней на выстрѣлы подтянулась другая бригада въ помощь противъ выдвинутой изъ Базарджика турецкой конницы, насѣдавшей на правый флангъ казаковъ. Но послѣдняя, поддержанная пѣхотою съ артилерією, несмотря на повторенныя 3 раза атаки 15 и 16 полками, заставила казаковъ осадить назадъ; турки стали преслѣдовать ихъ. Но въ это время подходила къ Каракилису пѣхотная колонна генерала Жюкова, и Бородинскій полкъ, съ батареей былъ высланъ впередъ. Батарея открыла огонь. Артилерійская канонада постоянно усиливалась и со стороны турокъ, завязалась и ружейная перестрѣлка, но затѣмъ огонь началъ постепенно стихать. Появленіе нашей пѣхоты и прибытіе новыхъ батарей заставили противника отступить. Къ 5-ти часамъ все кончилось, турки отступили об-

ратно къ Базарджикъ. Дѣло это происходило верстахъ въ 3-хъ впереди д. Каракилисы Леникой.

Въ этотъ день русскіе потеряли убитыми 1 офицера и 3 нижн. чин., ранеными 1 офиц. и 23 нижн. чин.

Къ вечеру весь корпусъ сосредоточился, расположивъ одну дивизію въ Чаирь-Орманъ, другую въ Каракилисъ и войдя такимъ образомъ въ близкое соприкосновеніе съ противникомъ. Корпусный штабъ устроился на ночь въ Чаирь-Орманъ. Помѣстились мы въ маленькой грязной турецкой саклѣ, и вечеркомъ, согрѣвшись коньякомъ, да непріхотливо поужинавъ кускомъ свиного сала и похлебавъ бараняго отвара, свернулись подъ своими теплыми тулупами и хорошо, уютно чувствовали себя, несмотря на то, что съ другой подогрѣвалъ огонь камина. Прижавшись поплотнѣ другъ другу, долго еще мѣнялись мы впечатлѣніями пережитаго дня.

Слѣдующій день войскамъ былъ отдыхъ, а мы, офицеры генеральнаго штаба, были высланы всѣ на рекогносцировку турецкой позиціи впереди Базарджика. Я со взводомъ Бѣлорусскихъ гусаръ развѣдывалъ позицію съ восточной ея стороны. Скрытая рекогносцировка на совершенно открытой мѣстности была немислима, такъ что довелось объѣхать только по фронту передовые посты, осмотрѣть сколько возможно расположеніе виднѣвшихся за ними укрѣпленій, нанеся видимое на кроки. Однако намъ удалось все-таки настолько близко подойти, что можно было кое-что высмотрѣть. Къ обѣду въ 2 часа вернулся домой.

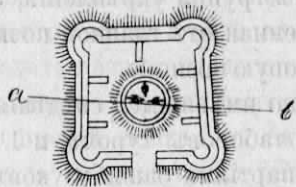
Рекогносцировки выяснили, что Базарджикъ обнесенъ со всѣхъ сторонъ сомкнутыми и открытыми укрѣпленіями сильной профили, приспособленными къ 2-хъ и 3-хъ ярусной оборонѣ и расположенными въ нѣсколько линій на командующихъ точкахъ мѣстности, что давало козможность обстрѣливать впереди лежащую мѣстность перекрестнымъ огнемъ. Укрѣпленія были соединены траншеями. На сѣверномъ фронтѣ группа укрѣпленій, вѣнчающихъ, выдвинутая впередъ и отдѣленная отъ главной позиціи ручьемъ, представляла какъ бы передовую позицію.

Въ Базарджикѣ, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, стоялъ отрядъ изъ 12 бат. египтянъ, 8 таборовъ турокъ и 1½ тыс. кавалеріи при 42 орудіяхъ, что съ партіями башибузукъ составляло до 20 тысячъ.

Такимъ образомъ, штурмъ Базарджика сопряженъ былъ бы съ немалыми потерями, но взять его надлежало, не теряя времени,

тѣмъ болѣе, что наши войска, по стаянїи снѣга, стали ощущать недостатокъ въ водѣ.

Четыре дня простояли мы передъ Базарджикомъ, продолжая развѣдки. Ежедневно возобновлялась перестрѣлка съ турками, особенно усилившаяся 12-го числа, когда турки попытались сдѣлать вылазку, но были быстро отбиты.

Въ эти дни настала сильная оттепель; солнце грѣло усердно, и почва растворилась до такой степени, что не только люди, но и лошади съ трудомъ передвигали ноги. Все это сильно мѣшало дѣлу и невольно сдерживало Циммермана.

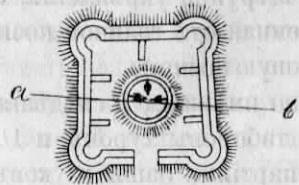
14-го числа произошелъ, наконецъ, бой случайный для насъ.

Въ этотъ день генераль Циммерманъ направилъ сводную дивизию изъ первыхъ бригадъ съ шестью батареями, гусарскимъ, драгунскимъ и донскимъ № 17 полками при трехъ конныхъ батареяхъ, подъ начальствомъ генераль-адъютанта Манзея черезъ Кепекчелеръ, Таисъ-Куюсу въ тылъ Базарджика, чтобы отрѣзать сообщенія его съ Варною. Прочія части корпуса остались противъ Базарджика съ сѣверной его стороны. Лишь только отдѣлилась обходная колонна, непріятель произвелъ въ 10 часовъ утра усиленную вылазку по направленію къ Каракилиссѣ. 16-й и 18-й казачьи полки съ 11-ю батареею встрѣтили противника мѣткимъ огнемъ. 18-й полкъ нѣсколько разъ бросался въ атаку. Наступленіе египтянъ пріостановилось; между тѣмъ развернулся Тарутинскій полкъ, и казаки отошли за правый флангъ пѣхоты. Въ это время непріятель, занявъ командующую высоту и нашъ observaціонный курганъ, началъ тамъ окапываться. Тарутинцы двинулись къ кургану, за ними послѣдовалъ лейбъ-Бородинскій полкъ. Послѣ упорнаго боя, египтяне были сбиты съ высоты и кургана. Пока Тарутинскій полкъ продвигался впередъ, массы непріятельской пѣхоты съ упомянутой выше передовой позиціи выдвинулись на лѣвый флангъ Тарутинцевъ. Тогда Бородинскій полкъ съ батареей развернулся лѣвѣе послѣднихъ, фронтомъ къ передовой позиціи Базарджика, и такимъ образомъ боевой порядокъ бригады принялъ ломаное расположеніе съ тупымъ входящимъ угломъ между полками, причемъ Тарутинцы находились на правомъ флангѣ уступомъ впередъ. Овладевъ курганомъ, они попали подъ фланговый огонь непріятельской батареи. Быстрая перемѣна фронта однимъ баталіономъ и удачное дѣйствіе огня остановили наступленіе турокъ съ передовой позиціи. Между тѣмъ на правомъ флангѣ Тарутинскаго полка турки, получивъ подкрѣпленіе, снова начали насѣдять. Бой здѣсь постепенно ожесточался, но Тарутинцы крѣпко держались и нѣсколько разъ отбивали атаки противника. Въ разгарѣ боя раненъ командиръ полка полковникъ Елецъ.

Услыхавъ съ утра канонаду со стороны Каракилиссы, генераль Циммерманъ, находившійся въ Чаиръ-Орманъ со 2-ю бригадою 18-й дивизии двинулъ эту бригаду съ 3-мя батареями на выстрѣлы и самъ поспѣшилъ на поле сраженія. Убѣдившись лично, что мы имѣемъ дѣло съ значительными силами, онъ усилилъ оба фланга бригады генерала Нильсона (Тарутинскій и Бородинскій полки) и послалъ приказаніе генералу Манзею притянуться къ по-

тѣмъ болѣе, что наши войска, по стаяніи снѣга, стали ощущать недостатокъ въ водѣ.

Четыре дня простояли мы передъ Базарджикомъ, продолжая развѣдки. Ежедневно возобновлялась перестрѣлка съ турками, особенно усилившаяся 12-го числа, когда турки попытались сдѣлать вылазку, но были быстро отбиты.

Въ эти дни настала сильная оттепель; солнце грѣло усердно, и почва растворилась до такой степени, что не только люди, но и лошади съ трудомъ передвигали ноги. Все это сильно мѣшало дѣлу и невольно сдерживало Циммермана.

14-го числа произошелъ, наконецъ, бой случайный для насъ.

Въ этотъ день генераль Циммерманъ направилъ сводную дивизию изъ первыхъ бригадъ съ шестью батареями, гусарскимъ, драгунскимъ и донскимъ № 17 полками при трехъ конныхъ батареяхъ, подъ начальствомъ генераль-адъютанта Манзея черезъ Кепекчелеръ, Таисъ-Куюсу въ тылъ Базарджика, чтобы отрѣзать сообщенія его съ Варною. Прочія части корпуса остались противъ Базарджика съ сѣверной его стороны. Лишь только отдѣлилась обходная колонна, непріятель произвелъ въ 10 часовъ утра усиленную вылазку по направленію къ Каракилессѣ. 16-й и 18-й казачьи полки съ 11-ю батареею встрѣтили противника мѣткимъ огнемъ. 18-й полкъ нѣсколько разъ бросался въ атаку. Наступленіе египтянъ пріостановилось; между тѣмъ развернулся Тарутинскій полкъ, и казаки отошли за правый флангъ пѣхоты. Въ это время непріятель, занявъ командующую высоту и нашъ наблюдательный курганъ, началъ тамъ окапываться. Тарутинцы двинулись къ кургану, за ними послѣдовалъ лейбъ-Бородинскій полкъ. Послѣ упорнаго боя, египтяне были сбиты съ высоты и кургана. Пока Тарутинскій полкъ продвигался впередъ, массы непріятельской пѣхоты съ упомянутой выше передовой позиціи выдвинулись на лѣвый флангъ Тарутинцевъ. Тогда Бородинскій полкъ съ батареею развернулся лѣвѣе послѣднихъ, фронтомъ къ передовой позиціи Базарджика, и такимъ образомъ боевой порядокъ бригады принялъ ломаное расположение съ тупымъ входящимъ угломъ между полками, причемъ Тарутинцы находились на правомъ флангѣ уступомъ впередъ. Овладевъ курганомъ, они попали подъ фланговый огонь непріятельской батареи. Быстрая переимѣна фронта однимъ баталіономъ и удачное дѣйствіе огня остановили наступленіе турокъ съ передовой позиціи. Между тѣмъ на правомъ флангѣ Тарутинскаго полка турки, получивъ подкрѣпленіе, снова начали насѣдять. Бой здѣсь постепенно ожесточался, но Тарутинцы крѣпко держались и нѣсколько разъ отбивали атаки противника. Въ разгарѣ боя раненъ командиръ полка полковникъ Елецъ.

Услыхавъ съ утра канонаду со стороны Каракилессы, генераль Циммерманъ, находившійся въ Чаиръ-Орманѣ со 2-ю бригадою 18-й дивизиі двинулъ эту бригаду съ 3-мя батареями на выстрѣлы и самъ поспѣшилъ на поле сраженія. Убѣдившись лично, что мы имѣемъ дѣло съ значительными силами, онъ усилилъ оба фланга бригады генерала Нильсона (Тарутинскій и Бородинскій полки) и послалъ приказаніе генералу Манзею притянуться къ по-

зиціи, къ лѣвому флангу ея. Обходная колонна, между тѣмъ, услыхавъ канонаду, пріостановилась сама; получивъ уже свѣдѣнія о наступленіи турокъ, свернула на Еленжикъ.

Бригада 17-й дивизіи съ 3-мя батареями кавалерійскаго отряда, направилась на выстрѣлы, а бригада 18-й дивизіи остановилась у Кепеллера.

Бутырскій полкъ, выйдя на Еленджикъ, встрѣченъ былъ оттуда огнемъ. Вскорѣ турки, занимавшіе деревню, были выбиты штыками 3-го баталіона этого полка, а Кинбурнскіе драгуны съ Донскимъ № 17 полкомъ, атаковали и разсѣяли башибузуковъ, заскакавшихъ за нашу пѣхоту. Очистивъ Еленджикъ бутырцы, а за ними и Московскій полкъ подошли къ общей позиціи, пристроившись къ лѣвому флангу Бородинскаго полка и выдвинули свои батареи.

Генераль Циммерманъ со штабомъ переѣхалъ на этотъ участокъ позиціи и отсюда съ высокаго открытаго холма наблюдалъ за ходомъ боя. Огонь усиливался, гранаты то и дѣло шлепались вокругъ насъ и въ большинствѣ зарывались въ талый глинистый грунтъ, безъ разрыва, или давали перелетъ. Двѣ изъ нихъ ударили между лошадьми свиты, обильно обдавъ насъ грязью, но по счастью никого не задѣвъ.

По мѣрѣ усиленія огня лица штаба начинали только совершенно машинально усиленно курить. Помню, какъ Циммерманъ, обернувшись и вѣроятно замѣтивъ это, улыбнулся своею привѣтливою улыбкою и сказалъ: «Ну, курите, курите».

По лѣвому флангу нашего расположенія былъ открытъ огонь съ укрѣпленій главной позиціи Базарджика, но за дальностью разстоянія онъ не причинялъ намъ вреда. Бой на фронтѣ продолжался съ прежнимъ напряженіемъ. Турки, вынужденные податься назадъ, заняли свою первоначальную позицію передовой группы базарджикскихъ укрѣпленій, гдѣ и развернулись на два фронта, подъ тупымъ исходящимъ угломъ, въ вершинѣ котораго на высокомъ курганѣ находился большой редутъ; на сѣверномъ фронтѣ они заняли бывшія тамъ укрѣпленія; восточный же фронтъ слѣдовалъ направленію гребня, имѣвшаго легкій скатъ отъ редута къ сторонѣ праваго фланга. На этотъ гребень выдвинута была большая батарея, а по скатамъ его расположены были густыя цѣпи стрѣлковъ. Русскія войска имѣли, такимъ образомъ, относительно турокъ охватывающее расположеніе.

Послѣ прибытія на позицію Бутырскаго и Московскаго полковъ турки, усиливъ огонь, пытались перейти въ наступленіе на

ихъ правомъ флангѣ; но огнемъ нашихъ батарей и бутырцевъ принуждены были поспѣшно укрыться въ окопы. Тѣмъ временемъ нами были выдвинуты новыя батареи, которыя начали громить турецкую позицію жестокимъ перекрестнымъ огнемъ. Нѣсколько батарей сосредоточились на участкѣ Бородинскаго и Бутырскаго полковъ. Батареямъ этимъ удалось разбить исходящій уголъ неприятельскаго расположенія, заставить замолчать бывшіе въ редутѣ два орудія и перебить большую часть защитниковъ его. Здѣсь же убитъ командовавшій неприятельскимъ корпусомъ, египтянинъ Закерія-паша.

Не менѣе удачна была стрѣльба нашихъ батарей по правому фасу турецкаго расположенія. Подбитіе нѣсколькихъ орудій турецкихъ батарей, и безъ того значительно уступавшихъ нашимъ въ силѣ, много ослабило огонь, сосредоточенный противникомъ по нашимъ батареямъ. Когда перевѣсъ видимо сталъ переходить на нашу сторону, турки сдѣлали послѣднюю отчаянную попытку; густыя массы ихъ пѣхоты показались на гребнѣ высотъ праваго фланга и предшествуемая сильною стрѣлковою цѣпью, хлынули по скату высотъ. Но и на этотъ разъ противнику не удалось достигнуть нашей позиціи. Встрѣченные градомъ снарядовъ, турецкія колонны, грозно выдвинувшіяся, было, впередъ, дрогнули, бросились въ безпорядкѣ обратно и быстро скрылись за гребнемъ высотъ, усѣявъ скаты ихъ убитыми и ранеными. Въ 4 часа неприятель былъ отбитъ по всей линіи и окончательно укрылся за укрѣпленіями. Съ нашей стороны продолжался только артилерійскій бой. Пѣхота, вслѣдствіе сильной грозы, медленно подавалась впередъ. Лишь одинъ Тарутинскій полкъ значительно выдвинулся и вмѣстѣ съ казаками охватилъ лѣвый флангъ турецкой позиціи. Между тѣмъ, ясно было видно, какъ турки вслѣдъ за послѣднею неудачею начали снимать съ позиціи орудія и отходить къ Базарджику.

Казалось, была минута, чтобы рвануться всѣми силами впередъ и достигнуть рѣшительныхъ результатовъ, смять отступавшаго противника, или отрѣзать его отъ Базарджика, пользуясь нашимъ охватывающимъ положеніемъ; но благоразуміе и выдержанность Циммермана заставили отказаться отъ этой заманчивой попытки. Дѣйствительно, далѣе наступать было почти невозможно. Сильная оттепель и шедшій наканунѣ дождь распустили глинистую почву до того, что люди двигались съ величайшимъ трудомъ; войска утомились; начало вечерѣть; при такихъ условіяхъ штурмовать такія укрѣпленія, которыя были передъ нами, представлялось дѣломъ

труднымъ; на этотъ день оставалось кончать, отложивъ всякое дальнѣйшее рѣшеніе по крайней мѣрѣ до завтрашняго дня. Циммерманъ разослалъ приказаніе войскамъ остановиться. Бой смолкъ. Вслѣдъ затѣмъ войска двинулись на прежніе биваки за отсутствіемъ воды, а противникъ очистилъ группу передовыхъ укрѣпленій Базарджика.

Въ дѣлѣ 14-го января турки потеряли 150 чел. убитыми и до 500 чел. ранеными. Наши потери: убитыхъ 1 офицеръ и 29 нижнихъ чиновъ, ранеными 5 офицеровъ и 166 нижнихъ чиновъ. Контужены—генераль-адъютантъ Манзей, 1 офицеръ и 20 нижнихъ чиновъ.

Наши потери были сравнительно не велики, такъ какъ большую часть боя, т. е. во второй части его наши войска оставались внѣ ружейнаго огня, подвергаясь только пораженію отъ огня турецкихъ батарей.

Въ тотъ же день эскадронъ Бѣлорусскаго гусарскаго полка, высланный съ утра на Варненское шоссе, для порчи телеграфной линіи, исполнивъ это порученіе, напалъ въ тылу Базарджика на транспортъ изъ 30-ти подводъ съ оружіемъ и провіантомъ и разсѣялъ конвоировавшую его роту пѣхоты, но, двинувшись со своею добычею обратно, эскадронъ былъ настигнутъ сильнымъ отрядомъ конницы и не имѣя возможности увести захваченныя повозки, бросилъ ихъ, изломавъ, что поспѣлъ.

Съ разсвѣтомъ 15-го числа генераль Циммерманъ, взявъ меня съ собою, съ коннымъ конвоемъ выѣхалъ на рекогносцировку. Не успѣли мы еще доѣхать до нашихъ аванпостовъ, какъ получили извѣстіе, что турки въ ночь отступили, бросивъ городъ и свой укрѣпленный лагерь. Генераль Циммерманъ вступилъ въ городъ первымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и войска тотчасъ же были двинуты впередъ и занявъ городъ, расположились въ окрестностяхъ его, выдвинувъ авангардъ къ сторонѣ Варны, въ д. Баладжа.

Турки отошли на Варну. Отступление ихъ послѣ пораженія, понесеннаго 14-го числа, было такъ поспѣшно, что они бросали по пути повозки, оружіе, патроны и тяжело раненыхъ.

Въ госпиталѣ мы нашли 322 раненыхъ, изъ нихъ 8 офицеровъ. Въ городѣ взяты склады оружія и артилерійскихъ запасовъ.

Вслѣдствіе распутицы обозы наши подтянулись изъ Чаирь-Ормана и Каракилисы (12 верстъ отъ Базарджика) только 18-го

вечеромъ, причемъ повозки и зарядные ящики перевозились на 8—10 лошадахъ.

Занявъ Базарджикъ, корпусъ долженъ былъ на время пріостановиться, такъ какъ наступившая оттепель до крайности затрудняла подвозы продовольствія; на мѣстѣ же войска не могли найти даже необходимаго.

Прежде всего было приступлено къ очисткѣ города и приведенію въ порядокъ. Госпиталь былъ тщательно дезинфекцированъ. Мы, корпусный штабъ, помѣстились въ большомъ зданіи Канака; въ немъ же помѣстился и корпусный командиръ. Войска начали приводить себя въ порядокъ послѣ труднаго десятидневнаго похода. Обозъ требовалъ серьезной починки. Все это, въ свою очередь, задержало насъ первое время въ Базарджикѣ. Въ эти первые же дни былъ занятъ казаками Бальчикъ на берегу моря, причемъ была схватка съ черкесами. Вслѣдъ за этимъ былъ посланъ эскадронъ Кинбурнскихъ драгунъ съ цѣлью испортить Варно-Шумлинскую желѣзную дорогу. Пробравшись незамѣтно между передовыми частями египетскаго корпуса, эскадронъ этотъ напалъ на станцію Гюбедже (первая станція отъ Варны), сжегъ ее и прервалъ путь. Послѣ этого была отправлена цѣлая бригада подъ начальствомъ генераль-адъютанта Манзея къ гор. Праводы для болѣе серьезной порчи пути упомянутой линіи. Бригада эта прибыла въ Праводы 22-го числа днемъ.

Въ штабѣ составлялось соображеніе относительно дальнѣйшаго наступленія къ Варнѣ. Работы въ Базарджикѣ было не мало, и жизнь наша въ немъ какъ-то не могла наладиться.

22-го числа Циммерманъ приказалъ мнѣ взять сотню и отправиться въ Бальчику, который, по свѣдѣніямъ, былъ отрѣзанъ черкесами, прогнать ихъ и возстановить связь съ гарнизономъ Бальчика. Выѣхалъ я въ сырой дождливый день въ казачій отрядъ, расположенный въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Базарджика. Тамъ принялъ сотню, но пока она кормила и готовилась къ выступленію, прибѣжалъ изъ Базарджика вѣстовой-казакъ съ отмѣною даннаго мнѣ порученія и съ приказаніемъ немедленно прибыть назадъ. Приѣхавъ въ Базарджикъ вечеромъ, являюсь я къ корпусному командиру и тутъ узналъ великую и радостную новость о заключенномъ 19-го числа перемиріи, сообщенную телеграммою Главнокомандующаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ было объявлено о томъ, что мнѣ въ

эту же ночь надо вы́хать въ Варну въ числѣ парламентаровъ для объявленія о перемиріи.

Наконецъ-то перемиріе, давно желанный конецъ похода, порядочно утомившаго и надо́вшаго за годъ. Остается надѣяться только, что не встрѣтится никакихъ дальнѣйшихъ осложненій, задержки для полнаго завершенія дѣла.

Ф. Гершельманъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

